

Ю ЖЕ

Внук Заратустры

СБОРНИК СОЧИНЕНИЙ

Ю Же
Внук Заратустры.
Сборник сочинений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23792777
ISBN 9785448504075

Аннотация

В сборник вошли притчи, рассказы и повести, написанные в Миле между 2007 и 2017 гг. О разном в разных наших реальностях. В основном о потомках, сыновьях и дочерях. И всё об эволюции.

Содержание

ПРИТЧИ	5
Ещё одна сказка о сотворении	5
Лошадь Истина	7
Внук Заратустры (начало)	11
РАССКАЗЫ	16
Ремейк Хемингуэя	16
Продолжение следует? Йоги и Ёги	17
Пипополам	30
Имена	54
ПОВЕСТИ	62
Наизнанку	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Внук Заратустры

Сборник сочинений

Ю Же

*«Извиняйте, дядьку, если что-то случилось
О чём уже давно было спето.
Это потому что...»
(Б.Г.)*

Иллюстратор Анна Петрова

© Ю Же, 2018

© Анна Петрова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-0407-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Расскажу Вам...

О разном в разных наших реальностях и их отражениях...

Приятных странствий Вам.

А захотите отозваться – милости прошу!

e-m: youzhe@yandex.ru

ПРИТЧИ

Ещё одна сказка о сотворении

Сначала Творец только открывал и закрывал глаза, разделяя свет и тьму...

Потом как-то получился БВ (Большой ВЗРЫВ).

Потом ещё много всего.

И вот дошло дело до Человека.

Творец создавал всяких животных. Он брал куски ткани (это была нервная ткань, не рвалась она (а Вы что подумали?)), писал на ней разные программы роста и выживания. Потом он складывал эту ткань и запихивал её в головы существам, которых придумывал, стараясь, чтобы те, кому Он придумал быстро бегать или прыгать, имели крепкие ноги, а тем, кому летать – крылья.

Впрочем, Он постепенно натренировался сочинять эти программы-мотивы. Началось с рыб, насекомых и зверья, умеющего только поддерживать своё существование. А потом они уже сами могли немного меняться, учиться новому

и даже играть...

И всё это время Творец вёл дневник. На одном большом куске тонкой ткани (вы помните какой) Он записывал все свои находки, мысли по поводу, трудности и сомнения, радостные открытия и другие чувства. Например, мог написать какие-то расчеты подъёмной силы или обрывок песни для новой птицы... Он мог написать: «из одного следует другое, а иногда несколько». А иногда просто: «тоска».

Там же Он записывал всякие идеи на будущее, которые пока не совсем знал, как воплотить.

И вот, наконец, в какой-то из дней у него получилось существо с довольно странным телом, годным для того, чтобы и бегать, и ползать, и лазить, и плавать, и может даже....

Творец до этого тренировался на обезьянах. Но у Этого (Человека) получилась довольно большая черепушка.

И тут Творцу пришла неожиданная идея. Ему как раз стало надоедать это занятие – сотворение существ.

Он взял ту самую ткань-дневник, долго комкал её, скатав в небольшой неровный мячик, и вложил в голову Человеку. А сам занялся чем-то новым.

Милое, 2013

Лошадь Истина

Иосифу Лазареву – вдохновителю и гению

Старый КолДун жил на болоте

Почему «старый»? – Жил долго.

Почему КолДун? – Если долго и внимательно живешь, то неизбежно научишься делать и узнавать необычные вещи, что и называют колдовством.

По секрету скажу, что это его имя... Парнем был он Колей, потом женился на Дуне. Прожили они счастливую жизнь и удивительным (для нас) образом выросли друг в дружку. Потому он (а) никогда не тосковал, а услышав однажды, как за его спиной кто-то шепнул: «колдун», радостно принял это имя.

И потому жил.

На болоте.

Или в болоте? Конечно, Же, он жил над поверхностью мшистых кочек с проступающей в дождливые времена водой. В избушке на «курых ножках», то есть на разлапистых (раскоренистых) широких пеньках.

Но болото – это не то, что хлупает под ногами лосей, поглощает заваливающиеся деревья и взращивает клюкву и мох. Болото – это и тонкие смелые деревца, одинаковые, смеющиеся, как девчонки на купанье, и багульник, и туман,

как мягкое влажное небо на земле, это все, что растет, жужжит, ходит, летает, чавкает, стрекочет, поет... В этом он жил.

Конечно же, КолДун умел ходить по болоту, да и не было оно сплошной трясиной. (А вот мы, похоже, увязли во вступлении...).

У КолДуна было хозяйство (без подробностей, хватит уже!).

И была лошадь по имени Истина. Не знаю, почему он её так назвал, но согласитесь, имя красивое, и лошади подходит.

Это была не одна лошадь, а несколько поколений. Сначала одна была лошадь Истина, потом она родила другую, и так повелось. То их было две, а то и три, потом одна умирала, бывало терялась, оставалась другая или пара, но всегда – Истина.

Это была очень умная и полезная лошадь, в меру норовистая, в меру покладистая, всегда красивая (для хозяина особенно). Сначала маленькая и подвижная, потом вырастала в большую и полезную.

Когда-то КолДун поддался на уговоры мужиков из города и отдал им свою старшую Истину. Потом услышал, что они ее слишком эксплуатировали и заездили, хотя ничего путного не делали. После этого он стал жадничать и оставлять старые Истины доживать свой век рядом с молодыми. «Пусть уж лучше волки съедят, им хоть впрок».

Вот забредает к КолДуну мужичок (грибник или охотник). Просушил сапоги, выпил чаю с вареньем и выпрашивать начинает.

– Зачем тебе лошадь? На болоте-то...

– Истина-то? Ну как... Любуюсь вот на нее... Опять же, дровишки когда подтащить, дранку на крышу, за солью в деревню съездить. А иногда – поверишь ли, мил человек – и просто покрасоваться на ней.

– Перед кем? – снелету спрашивает Прихожий, и понимает: «чепуху спросил, красоваться ведь не обязательно перед кем-то». – Прости, я хотел сказать, а можно и мне попробовать?

– Отчего ж... Только ты ласково с ней. Ты с пониманием —и она с пониманием...

Потрепал Прихожий Истину по гибкой, крепкой холке, потрогал чудо-какие-мягкие ноздри, заглянул в огромные глаза, и (хоть и не сразу) оказался на спине, доброй и гладкой.

И увидел он, что это красиво.

Эпилог

А КолДун, стоя на крыльце, говорит:

– Приглянулся ты ей, паря. Видать, что и твоей хочет

быть. Забирай, пока я не передумал.

– А Ты как же? – скрывая радость, спрашивает Прихожий, а по всему видно уже слезать-то не хочет. «С Истиной-то – думает, – я куда быстрее из болота домой выберусь, да и дома её куда прилажу...»

– Да я что... У меня вона – табун их целый.

А и впрямь – лошади-то вокруг – одна, другая, третья... пасутся себе...

Милое, январь 2013

Внук Заратустры (начало)

Мать рассказывала ему о странностях людей и своих.

– Я долго думала, какое имя тебе дать...

– К чему это ты? – Да поднял левую рыжую бровь и направил на мать взгляд, который она всегда выдерживала, только немного отстранившись.

– Просто... До сих пор сомневаюсь. Говорят, это не так уж трудно – давать детям имена... Я смотрела на тебя и так, и сяк, и глаза закрывала, и ждала во сне, слушала траву и деревья, смотрела умные книги – и ничего. Я думала, ты будешь без имени. А потом, я решила спросить твоего деда...

– Он же умер уже тогда?!..

– Да, но у меня осталась привычка его слушать. И я вспомнила давний разговор. Я задала ему как-то самый банальный из вопросов. Это твоему-то деду! Я спросила: «Скажи, зачем я вообще? Зачем живу?» и потом сразу испугалась, что он засмеется или не ответит... А он спокойно так говорит: «У тебя будет сын, мой внук. Да». Как ни старалась, больше я ничего вспомнить не могла. Вот и получалось, что Да – твоё имя.

– Мам, ты чего? Я привык, мне нравится. Хорошее имя, смешное. Единственное, люди переспрашивают по 2—3 раза... ну и пусть.

Они сидели на влажной от туманной росы июньской тра-

ве спиной к пологому длинному холму и лицом к широкой мелкой реке. Река эта вечно рождала какие-то странные раздумья с примесью слабой тревоги.

У Мелы тревога была всегда одна. Она боялась не справиться. У неё были две главные роли по жизни. Быть Его дочерью и быть Его матерью. Она уставала иногда от этого. Не от того, что была ими, а от того, что тревожилась, что не справится. Приходилось срывать и жевать травинку.

– Почему я всегда так хочу знать, о чём ты думаешь? Не знаю, что бы отдала, чтобы влезть тебе в голову...

– Наверно от страха, мам. Страх рождает желание контролировать. Люди похоже придумали называть это заботой.

– Разве плохо, что я забочусь о тебе.

– Иногда приятно. Если ты без страха. Вот дай руку.

Да взял её кисть, перевернул ладонью вверх и чуть подержал своими по-юношески узловатыми, обветренными руками. Потом сорвал розовый шарик клевера, понюхал и положил на ладонь Мелы.

– Вот, это ребёнок. Ему приятно на ладони матери, как и на груди её.

Они синхронно улыбнулись. Всё-таки у них было много общего.

– А сейчас чувствуешь, как напрягаются мышцы? Ты готова в любой момент загнуть пальцы, чтобы поймать, чтобы не упал, не улетел...

– Да, – сказала Мела, – нужно усилие, чтобы держать ла-

донь открытой... А это забота?

– Забота – это твоя рука. Открытая – это забота-любовь, закрытая – забота-страх.

– Умеешь ты всё объяснить...

– ЭТО ОТ НЕГО, – сказали хором и снова улыбнулись своей синхроничности, подтвердив её слитым взглядом. Приятно помолчали.

– А Любовь? Почему он не говорил про любовь? Он любил твою маму?

Но Он не любил про любовь. Может быть потому, что тогда тема эта была захвачена церквями христиан, может, не умел. Он был воин. Певец-воин. С мамой встретился, а жить долго и счастливо не стал. Мела сама его разыскала. Называть разрешал только Заратустра.

Может быть, хотел, чтобы его имя чаще звучало, чтобы оно запомнилось, а кто будет произносить его чаще, чем дети? Вот и Да теперь – Внук Заратустры.

– Что мне взять от Заратустры? Он говорил об одиночестве так много. Он вечно ругал долины, скопища людей и то, что они порождают...

– Но он любил их.

– Да. Но стремился на гору и пел свое одиночество. А я родился на горе. Что мне делать здесь, что петь, куда стремиться? Он ходил вниз, чтобы рассказать как прекрасно на ветреной вершине, потому что сам был удивлен этим. О, это так устарело. Вершины исхожены. Любой школьник может схо-

дить на Эльбрус или Монблан, отправить оттуда открытку. Все вершины есть на фото, все мудрости есть на бумагах, в уроках, в сети. Заплати цену двух обедов и слушай любого заратустру...

– Врёшь! Таких нет! Ну, может немного совсем...

– Мама! Не обижайся. Мудрых, сильных, ищущих много. И Он это знал. Но всегда больше других. И раньше этих других надо было... Можно было будить. Сейчас же толпы, миллионы разбуженных. Они бродят, эти разбуженные, и у каждой массовки свой заратустра. Что делать мне? Идти стать одним из них? Или стать одним из пророков? Не идти, остаться здесь?

– Не знаю, Сын. Хотя, пожалуй, не идти – не верно.

Ох... нелегко это было сказать.

– А Ты? Ты так много знаешь и понимаешь, что выбрала Ты?

– О! Ты меня похвалил? – её и правда захлестнула гордая радость так, что слезам стало тесно в глазницах. – Ну, Ты знаешь... Я пеку хлеб. Так и буду печь. Буду и дальше собирать подорожник, гречиху, щавель и зверобой. Буду делать муку и соль, чай и хлеб. Если уж в нашей крови стучит потребность делиться, то я буду так. Я собрала Тебе дома... в дорогу кое-что, кстати, не забудь.

Он кивнул.

– Я вернусь.

– Не обещай.

Слова стали пылью (так подумал Да), но после дождя пыль
снова становится землёй и прорастает зелёным...

Милое, 2009

РАССКАЗЫ

Ремейк Хемингуэя

Сегодня мой пятнадцатилетний сын прочитал о том, как Хемингуэй на спор написал самый трогательный свой рассказ, состоящий из шести (английских) слов.

Наверное, Вы слышали эту историю? Этот рассказ таков: «For sale: babe shoes. Never used» – «Объявление. Продаются детские ботиночки. Неношенные».

Прочитал и в недоумении спрашивает меня: «и что такое?! Полно таких объявлений».

Я потратила на порядок больше слов, чем Хемингуэй, чтобы объяснить, что были времена (и не так уж давно), когда ребенку не покупали 5 и даже 2 пары обуви, и то, что малыш не носил ботиночки, означает, не то, что они не понравились, а что-то печальное и трагическое.

Возможно, я даже не убедила его.

А потом я придумала свой короткий грустный рассказ по-современнее. Такой:

«Интернату №511 на 300 детей больше не нужны вещи».

Милое, 2013

Продолжение следует? Йоги и Ёги

– Уважаемые. Давайте сегодня поговорим об эволюции. Это свойство отдельных видов живой природы изменяться и порождать новые виды путем мутаций. Да, знаю-знаю, много непонятных слов. Но не пугайтесь, станет яснее, если Вы будете следить за моим рассказом и иллюстрациями, а также своими ощущениями. И задавать вопросы.

Мы рассмотрим сегодня два вида обитателей Вселенной: йоги и ёги. Эти два вида имеют общего предка, то есть эволюционно связаны, хотя на первый взгляд отличаются разительно. Хватит шуметь. Щт, вы не согласны?

Да-да, эти два вида – родственники.

Ёги с их огромными бесформенными телами, ориентированными на хранение больших запасов жира, служащими домом миллиардам бактерий, короткими руками с небольшими частично атрофированными пальцами, отсутствующей шеей (что редко для млекопитающих на суше) и узкими шелками глаз, эти существа, малоподвижные и постоянно что-то потребляющие, существа, обитающие огромными колониями, набивающие свои отсеки всяким мусором (единственный предмет их упорства)...

И йоги. Эти подвижные, интеллектуальные, гибкие большерукие и большеголовые... Если не разбираться, не рассматривать скелет, то невозможно поверить, что у этих двух

видов одинаковое количество суставов. Хотя в процессе эволюции у ёгов многие заостенели или наоборот – стали жидкими.

– Может быть, они просто живут в симбиозе? А вовсе не произошли одни от других?...

– Да, симбиоз их столь же очевиден, как и странен. И он имеет древнюю основу. И заметьте, я не сказал, произошли один от другого и не сказал один вид, я сказал: имеют общего предка.

Рассмотрите картинки, которые я вам демонстрирую. Как Вы думаете, как происходили мутации?

Для этого надо вспомнить, что такое мутации в принципе. Мутация – это изменение генотипа.

С каждым видом и организмом в частности происходит постоянный мутагенез – процесс возникновения мутаций. Он происходит самопроизвольно в течение всей жизни, как реакция на изменяющиеся условия существования. Но есть индуцированные мутации – наследуемые генетические изменения, они и являются видовыми.

Суть мутаций, думаю, это хорошо всем известно, – это суть жизни – приспособление.

Мутагенез – главный адаптационный механизм жизни. Однако, он наполнен (мне иногда кажется, что переполнен) экспериментами. Некоторые на грани абсурда.

Дело в том, что в природе, видимо, отсутствует принцип целесообразности, только случайность и приспособле-

ние (совпадение).

Такой вот случайностью был выход за сам принцип приспособления. В какой-то древний момент возник биологический вид хомо, в котором возникла и неожиданно начала развиваться идея будущего....

Что? Да, понимаю ваше удивление и возмущение. Сейчас поясню. Будущего не нормального, не адаптационного, а наоборот, разрушающего адаптацию.

Хомо придумывали будущее, то, что будет на следующих витках планеты. Больше того, они его делали, создавали....

Что?... Объяснить? Хорошо, попробую.

Все мы помним, что далёкие предки всего живого жили в воде. Что подвигло их на сушу? Да. Изменившиеся условия. Вода могла пересыхать, нагреваться или охлаждаться, становится опасной или бедной пищей... Адаптируясь к измененным условиям, прапрапрародители находили новые возможности приспособления и существования.

А теперь представьте, что древний моллюск вылез на сушу просто так, из любопытства.... Или, собравшись большой группой, они вырыли бы отводной канал и убрали бы воду с места, где живут...

Другой пример. Все мы порожаем будущее, когда откладываем потомство. Представьте, что вы не просто откладываете яйца, но делаете это, скажем... в воду, кислоту, просто в отдалённый нежилой район.... И потом не отпускаете потомство для самостоятельной жизни, а занимаетесь слож-

ной селекцией.

Победив в гонке на выживание видов, хомо вырастили себе весьма развитый мозг, похожий на наш, сложную, как наша, систему социума, но они обладали оптимальным размером. Всё это позволило им подчинить себе большую часть биосферы.

Хомо вовремя поняли, что падальщиком быть выгоднее, чем хищником или травоядным. Они сумели сформировать удивительнейший внутренний мир. В их внутренностях обитало такое разнообразие бактерий, что они могли поглощать практически всё. Но это всё не было природной пищей.

С помощью социального организма хомо научились выращивать и производить готовую падаль. Они приучали к ней своё потомство, используя для ускорения пищеварения добываемые из растений кислоты и щёлочи. Таким образом, хомо избавились от давящего страха и ограничения нехватки пищи.

Но они попали в собственную ловушку. Процесс так увлёк их, что сам их поглотил. Бактерии, помогающие переваривать, стали руководить их жизнью, контролируя поведение.

Аналогично с другими направлениями адаптации. Хомо научились строить сложные жилища, создавать средства для ускорения перемещения, покрывать тело дополнительными покровами. Но всё это так увлекало их, что подчиняло вместо служения. Так постепенно появились ёги. Туши, обслуживающие собственное обслуживание. Подобно паукам, яв-

ляющимися пожизненными пленниками собственной паутины, только ещё хуже. Много хуже, ибо уже сформированный большой мозг рождал постоянное беспокойство и усложнение «паутины».

– А йоги?

– Спасибо. Йоги – те, что избежали ловушки сложно-бесполезного потребления. Ведущая линия их мутаций была как раз – любопытство. Условно можно сказать, что их центр потребления сосредоточился в мозгу. Как ёги тратят свою жизнь на обустройство и постоянный откорм своего тела и его обитателей, плюс то же с потомством... Так йоги почти всё время голодны мозгом.

– Значит, йоги больше интересовались развитием интеллекта, а ёги предпочитали физическое?

– Было среди исследователей такое мнение, но оно оказалось ошибочным. Сама жизнь показала его ошибочность. Ведь и сегодня, если вы сможете понаблюдать за йогами, заметите, они активны во всем. Они подвижны. Многие начинают день с разминки тела, часто дают ему нагрузки, любят затевать всякие игры, возню и беготню, причем особи всех возрастов. Они двигаются. Хотя есть исключения, но их не много. Также есть и ёги довольно крепкие физически и способные выдерживать большие нагрузки. Но йоги любят подвижность. Ёги двигаются по необходимости, ради удовлетворения потребности, находящейся на минимальном расстоянии или от скуки, что тоже необходимость, согласны?

Это хорошо видно.

– Нельзя же все время поглощать? энергия-то куда девается?

– Хороший вопрос! Она тратится в основном на следующее, другое поглощение. Это мы называем цикл потребления. У ёгов он практически единственный.

Похоже, существует, скажем, лось... С той разницей, что у лося потребление ограничено насыщением и наличием сырья. А у ёгов потребительский цикл непрерывный и запутанный, очень далёкий от неких очевидных потребностей организма. Все затраты энергии у них идут на усложнение и запутывание цикла потребления.

– Можете пояснить?

– Ну, скажем, питание. Ёги не добывают, пищу в ближайшем возможном месте. Их пища, не просто падаль, а падаль с невероятным для разума количеством добавок, переработок, перемещений. Ни одно другое существо (кроме нас и других, готовых к симбиотическому с ёгами питанию, крыс например) не будет потреблять нечто, с чем поиграл десяток соплеменников. Ёги потребляют пищу только после раскрашивания, упаковывания и разупаковывания, долгого хранения и множества других манипуляций. Плюс они не едят пищу в месте, где добудут, а долго перемещаются с ней в разные места. Затем они должны приобрести дополнительные химические препараты для расщепления столь непригодной пищи, потом для нормализации деятельности организма. То же

с теплорегуляцией, с размножением и т.д.. Отдельная задача для ёгов – удовлетворять раздражителями свой атрофированный, но требующий стимуляции мозг....

– А еще какой-нибудь цикл есть?

– Ещё страхи. Они поглощают довольно много жизненной энергии, пространства и времени. И что интересно, по мере расширения и загрязнения цикла потребностей, страхи также разрастаются, запутываются. Но об этом позже.

Итак, из двух этих видов только йоги тратят энергию на что-то новое, вызывающее интерес и любопытство, никак не связанное с потреблением или страхом. Примеры? Что-то вне системы: балет, самолеты, космические пространства, музыка, изучение ядерной физики или собственной психики... Только они. Именно поэтому многие не верят в прошлое родство этих видов.

– Но ведь если у них был общий предок – хомо, общая среда обитания, то и психика должна была развиваться похоже.

– Да, по многим данным хомо показывал общую способность к мышлению и развитию. Хитрость видимо была в его обширной, но тонко организованной психике. Весьма нестабильной. Вот вы, вы например Сц, что вы испытываете при возникновении идеи сделать что-то, что-то новое?

– Драйв, любопытство... Страх, что не получится хорошо... Лень...

– Хорошо. И вам нужно выбрать и предпочесть одно, и по-

давить другое.

– То есть подавить страх и лень?

– Ну, вот как раз их давить почти не надо. Если существо выбирает движение, действие, страх вытесняется сам, оставаясь на задворках.

А вот если существо предпочло страх и лень, то драйв и любопытство нужно подавить. Не всякое существо на это способно. Способность к подавлению драйва и интереса происходила путем долгих мутаций из поколения в поколение путем создания специальной среды, искусственно изобретенного питания, угнетающего мозг, специального вещества «алкоголь», аппаратов обеспечивающих мелькание картинок перед глазами, подчинение конформному социуму...

Одно поколение, испытывающее дискомфорт от не до конца подавленного драйва заботы о другом, с рождения приучало потомство к скованной неподвижности. Младенцы становились совсем зависимыми, маложивучими, но это предполагало их большую способность к жизни внутри цикла потребления и страха. Постепенно подавленность активности стала передаваться наследованием и подкрепляться ранним усвоением.

Йоги шли другим эволюционным путем. Они предпочли любопытство, они смело экспериментировали с потомством и предоставляли ему свободу для экспериментов с самых ранних этапов. Их почему-то заметно меньше.

Сейчас два эти вида живут в тесном симбиозе.

Йоги изобретают новое, а ёги потребляют новое: места обитания, продукты, способы потребления, перемещения, развлечения.

Вот заметьте, кстати, ключевое отличие – базовый драйв: у йогов – увлечение, у ёгов – развлечение (хотя это не совсем драйв).

Я демонстрирую вам диаграмму, примите.

Соответственно у первых формируются новые синопсы, развивается мозг во всём теле, у вторых – идёт раздражение одних и тех же участков только коры головного мозга приводящее к привычной усталости, не более.

Но симбиоз этот не только физиологический.

Ёги используют йогов, чтобы заглушить свою тревогу. Это по-видимому эволюционная тревога, доставшаяся им от общего предка.

Даже расходуя энергию на усложнённые циклы потребления, ёги не могут заглушить её полностью. Тогда они вытесняют тревогу испугом, общаясь с йогами. Их образ жизни: (нагрузки, беспорядок и т. п.) вызывает у ёгов приступы эмоций: испуг, переходящий в гнев. Эти эмоциональные всплески и помогают заглушить приступы эволюционной тревоги. Ну, и потратить энергию...

Вот что ещё интересно. Существовало несколько так называемых рас и десятки подвидов человека. Они невероятно расплодились и жили на всех континентах Земли, как и наши предки. При этом мутации шли везде, с некоторым опе-

режением в местах наибольшей скученности. У людей...

– Вы сказали у людей?

– Да, так называют множественное число хомо. Так вот у людей были схожие языки общения, но все-таки разные. В результате эволюции йоги выработали один довольно сложный язык, который мы расшифровываем частично, а вот ёги так и общаются на разных, хотя куда более простых, примитивных и пересекающихся.

– Сх уснул, потише.

– А мне интересно. Скажите, а почему с нами такого не происходит?

– Что именно?

Ну, вот это...

– Эволюция? видите ли, мы вид устойчивый. А есть виды менее устойчивые. Они меняются, меняя нашу биосферу...

– А кто из них полезнее?

– Ответ не может быть однозначным. Мы сосуществуем с обоими видами, они важное звено нашего пищевого поля. Ёги производят для нас невероятное количество и разнообразие питания и мест обитания. Но они же и используют огромное количество опаснейших средств уничтожения нас. Йоги, пожалуй, менее полезны, но значительно безобиднее, да их и меньше значительно.

– А почему ёги крупнее раза в полтора?

– Да, ты прав Чт. Их мутации шли в сторону увеличения размеров тела. Они потребляют всегда больше, чем могут

потратить и склонны к созданию запасов. Этому во многом способствовали и йоги в своем развитии. Когда хомо отделились от другого животного мира они стали создавать цивилизации, и все они были нацелены на удовлетворение потребностей. Однако удовлетворить потребности на Земле не так уж и трудно, как вы знаете. Поэтому хомо пошёл по пути создания всё большего их числа.

В популяциях хомо всегда был небольшой процент тех, кого интересовал не цикл потребления, а что-то иное, но им приходилось подстраиваться под остальной социум. Основной социум хомо был обеспокоен потребностями. Развитие вне потребления, например искусство, все равно втягивалось в общую систему. А когда потребности были в основном покрыты, то уже была жестко закреплена структура цивилизаций-социумов. И тогда усилия пошли на развитие потребностей, придумывание новых. Это уже были псевдопотребности второго и третьего порядка. Их создавалось все больше и больше. И покрывались они все быстрее. Цивилизации, которые были построены зацикленными на потребление и развивались только благодаря ему, стали агонизировать, а других форм социума людей к тому времени уже почти не существовало.

– Интересно как эта эпоха закончилась...

– Да, неожиданно. Все изменили роботы... Вы помните, мы говорили о том, как биосфера познавала Землю и её «место» во вселенной? На восьмом тысячелетии цивилизаций

люди очень расплодились и весьма ускорились в развитии.

Сначала был преодолен барьер земного обитания, но как ни странно это не привело к серьезным видоизменяющим последствиям. Цикл потребления был настолько силен, что поглотил и этот этап. Хотя и можно было ожидать, что выход в Космос приведет к новому осознанию себя хомо и решающим мутациям.

Но нет. Тогда же развитие так называемой кибернетики достигло критического значения, удовлетворило все возможные потребности коммуникаций, и хомо стал создавать киборгов, себе подобных автоматических существ из синтетических материалов, способных к мышлению. Роботы стали подобными хомо, в чем-то лучшими. У них было два отличия: существенно меньшая чувствительность и полное отсутствие потребностей. Именно роботы подвигли вид хомо, безусловно к тому уже готовую, на решительные мутации.

– Скажите, уважаемый, а люди, как Вы их назвали, или наших предков? или наоборот?

– Нет. Мы никогда не были в одной пищевой цепи. Скорее это была конкуренция. У них были схожие пищевые пристрастия и общие ареалы обитания. Но наши предки, как и мы, никогда не были агрессивны.

– Что это?

– Это поведение, которое наносит вред другим, что то вроде драк во время гона. Люди были агрессивны в принципе, им было свойственно нападать на все вокруг, включая

своих, других животных, растения, землю, воду. Возможно, это было связано с пищей, возможно с неустойчивостью психики и эволюционной непонятностью... Есть свидетельства, что люди уничтожали наших целыми колониями в общих зонах обитания. Они называли их «тараканы» или «кукарача», или...

– Наше время закончилось. Давайте поблагодарим шуршанием уважаемого Жшч за увлекательный рассказ. В следующий раз мы поговорим о рептилиях.

Милое, 2014—2016

Пипополам

Очень женский научно-фантастический рассказ

Пи – не так уж оригинально в названии. Пелевин прославился «Положением Пи»), Потом чудесная книга Янна Мартела «Жизнь Пи».

Пи – вообще популярное число. Есть даже клубы его любителей.

А Вы знаете его смысл? Может я одна узнала, поняла его смысл только в 40? То есть я твердо знала про 3,14..., про то что 2 π ..., но в чем уникальность, в чём смысл?

Ответ прост – Пи – это постоянное всегда отношение длины окружности к диаметру. Всегда. Какую не возьмите окружность – хоть монетку, хоть экватор... Делите длину на диаметр – и всегда одно число! Правда чудо?

И если задуматься, то интересна половина Пи, то есть если идти круглым (точно круглым) путём, то расстояние до цели в 1,57 длиннее прямой. Всегда. И всегда примерно.

Помню, я думала об этом как-то, блуждая по вырубкам и болотинам, и через некоторое время заметила, что шагаю весьма бодро напевая «пи-по-по-лам-пи-по..». Проблуждала правда до темноты....

Шесть километров. Ленка, её шапошная подруга из города, как-то напросилась в гости и потом всё шумела: «какие там шесть!! Там все 10! Топаешь-топаешь, конца не видно!»...

Но Лида знала, что шесть. Ей даже сосед-лётчик Олег Иванович показывал на спидометре своего УАЗика: видишь – когда сухо – 6, а когда после дождика побуксуешь – шесть с половиной выходит.

Хотя Лиде это в общем было не важно. Было три поля и три пролеска, линия электричества и ручей в овражке.

Дорогу эту она знала как... Да не с чем сравнить. Не было в жизни ничего такого родного, знакомого, неизменного и непрестанно нового и меняющегося.

Уж казалось бы за 34 года, ну ладно пусть за 28 со школы или раньше, с мамой за руку, ну не суть, хоть за 30 ... она уже каждую травинку и складочку должна знать. А вот нет же.

Любила она эту дорогу (дорогой-то не назовёшь, путь, может быть) именно за то, что она, неизбежно будучи всегда тут – между сельской грунтовкой, ставшей шоссе, и домом, умудрялась каждый день быть разной, а по сезонам меняться до неузнаваемости.

Менялись травы и цветы, то баловали земляника с костянкой, то можно было идти рядом по лесу и набрать тару лисичек и особенно любимых Лидой рыжиков.

Елочки подрастали год от года, весной украшаясь паху-

чими терпкими яркими свечками, которые за лето набирали солидной взрослой зелёности, ольха пускала всё новые и новые ветки и молодые прутья, а берёзы вырастали совсем незаметно и неожиданно.

А то вдруг лихой проезжий тракторист проезжал колесом и ломал корёжил молодые жизни, но многие могли, справлялись, вырастали хоть лёжа, хоть новыми побегами от вдавленного в грунт корня.

Но и сама дорога (уж какая есть), размываемая дождями и раскапываемая огромными колёсами и гусеницами тракторов и вечно вязнущими машинами поменьше, регулярно меняла русла как бойкая речка, расползалась на топких полях на три-четыре русла, лужи в низинах обрастали объездами, и получалось, что дорог уже много, хотя путь один.

Лида любила дорогу за её изменчивое постоянство, за то, что на ней хорошо думалось, вспоминалось и мечталось, ну и конечно особенно она любила то её направление, которое кончалось появлением на пригорке дома, деревни Козловки.

Сегодня идти было как-то особенно хорошо. Ноябрь стойко держал осень, и хотя деревья уже облетели было много разноцветной травы и небо то и дело чистилось от бледных морозящих тучек и начинало светиться голубизной и солнцем.

Хорошо, что она сегодня рано освободилась, хорошо, что встретила на рынке Олега Ивановича, и он согласился довести в деревню её покупки. А главное приятно, что, Саша вче-

ра пришёл из школы с большим своим рюкзаком гружёным по всему её списку.

Большой стал, помощник. И теперь Лида шла легко, в старом её рюкзаке с мохрящимися лямками только-то и лежали, что сладости, свежие библиотечные книжки, да всякие мелочи по хозяйству. Да, полегче стало.

А помнится раньше, да в прошлом ещё году таскала она этот рюкзак, набитый до краёв едой, кряхтя и потея, отдыхая после каждого поля и с трудом преодолевая последний подъём на пригорок.

Отправить Сашке смс, чтобы встретили?

Она стала, переполняясь нежностью, думать о сыне. Не мало пришлось перетерпеть с ним. Делал больно не раз. Ещё в позапрошлом году устроил ей эдакий шипящий скандал в магазине из-за безобразных, непрактичных дорогих ботинок, которые очень захотелось.

Но эти «выкидоны», как говорила мама, компенсировались его домовитой мужской заботливостью, подчёркнуто грубоватым, но частым «мам, что помочь?», и бесценными для обоих поздновечерними разговорами.

С его отцом большая любовь была. Может только у неё, но всё равно такая, что на двоих хватало.

Уехала она тогда из Козловки. Окончила школу и уехала, боясь задержаться хоть на день или оглянуться. Шла, пом-

нится, рядом с отцом, несшим чемодан, и хлюпала носом, старалась думать, как советовал отец, «о перспективах», интересном и новом, а в глаза лезли берёзы и краснеющая земляника.

В дорожный. Смешно. Анатолий. Он любил, чтобы его так называли, и она называла. Хотя имя казалось ей дурацким, противоречивым, начиналось с отрицания и вызывало устойчивую ассоциацию с анатомией, снятием шкуры и расчленёнкой....

Он и сам был какой-то словно без кожи, болезненно раздражительный.. почему был – есть. А всё же хорошо, что она думает «был». Значит, улеглось всё-таки. Ушло.

И имя стало равнодушно-безразличным.

Сашка вот к нему ездит. «Копейку» свою развалюху подарил. Толку от неё немного. Сначала в документы пришлось уйму денег грохнуть, потом в ремонт. В грязи она вязнет, на подъёме буксует и позапрошлую зиму по тракторному накату только ездила, и опять встала насмерть. Зато Сашка ремонтом заинтересовался и водить научился, и целую зиму возил её на рынок, и может поэтому только Данила родился крепким, здоровым и спокойным.

Анатолий. Она вечно дразнила его, балуясь с его именем То-ли. А так старалась обратиться как-то безымянно.

Когда она стала хотеть, просить, требовать второго ре-

бёнка, считая все его нелепые доводы про отсутствие места в общежитии, маленькой зарплате, идеях бизнеса..., тогда то, что замалчивалось ради поддержания шаткой молодой семьи, порой из-за усталости и страха, всё это повылезало, стали бушевать скандалы, как гейзеры или вулканы.

Очередной раз хлопнул дверью и ушёл на несколько недель. Это было долго. Сотовых тогда не было, оставалось думать-гадать. Она успела перебеситься и придумать несколько вариантов, он пришёл со своим...

Только что купленная квартира, ещё не выплаченный кредит. Ты будешь матерью моих детей, но я считаю себя свободным и буду приводить сюда женщин. И первая из них сидела на кухне этой самой новой квартиры, которую он повёз её смотреть. И он нагло вато улыбувшись сказал – знакомьтесъ – Саша.

Девушка выглядело довольно растеряннo и глуповато, хоть и пыталась держаться с достоинством странным при таких обстоятельствах. Было ясно, что это не вдруг, а готовилось давно. Но для Лиды это был шок.

Тогда она захлебнулась, почему-то особенно чудовищным ей казалось фактом, что любовницу зовут как сына, и она смела на пол содержимое ближайшего шкафа.

Оказывается, бить посуду – это действительно! Тем более посуда была не своя, щербатая, очень нужная каждая тарелка, а чужая, новая, может и не пользованная ещё.

Они действительно с этой Сашей сделали потом небольшой бизнес, сначала просто, а потом какую-то интернет-торговлю, и он почти сразу купил эту б/у-шную Копейку а потом сразу застыдился её, поставил гнить во двор и купил Пассат, потом ещё что-то. Потом фирма разорилась и Саша ушла или наоборот, но теперь у него Катя, которая его похоже содержит, хоть он вечно и говорит о каких-то разовых сделках. Хотя бог его знает.

Бог знает.

Мама умерла... сколько? – да, 19 лет назад. Уже 19. Сказала: будь счастливой и отца береги. Хорошие слова.

Мама редко с ней говорила о чём-нибудь таком. Всегда были дела – дом, огород, корова. Всё время надо было что-то готовить, полоть, сажать или собирать.

Мама звала её неумехой, ругала, что лохматая, что грязное платье, что мало умеет по хозяйству, переживала видно. Это теперь видно, а тогда обидно было.

И всё равно она всему научилась и со всем справляется: и с домом, и с огородом, и с мальчишками. И сшить может и варенье, соленья заготовить... А мама волновалась. А перед смертью сказала за несколько дней: «Лидка, будь счастлива и отца береги». Хорошие слова.

Только этому-то её не учили. Отца мама вечно ругала, всё

было ей не так, не эдак. Так она его берегла? Или перед смертью опомнилась и ей поручила?

Ну с этим Лида кажется справилась. Пока отец горевал, тосковал, болел, готовила его любимую жареную картошку и солянку из капусты, заваривала чай и тихо сидела рядом. Потом стала зашивать одежду, складывать после стирки в аккуратные стопки в гардероб.

Он работал водителем в сельском магазине. Работал год-два, потом брался за починку старого Уазика, ругался с директором из-за запчастей, заболел от лежания под машиной и мама сразу забирала его с работы. Так и говорила, так и делала. Шла и забирала вместе с документами, чтоб не запил.

Отец не был пьяницей, но мама очень этого боялась. Тут же затевала какую-нибудь домашнюю стройку. Если дело было весной или осенью, то всегда находилась подработка у дачников, которые строились не переставая и бесконечно. Если и не строились, то им нужен был или навес, или теплица, или лавочки и стол в саду.

Лида потом поняла, что это такая привычка городская – покупать, тратить деньги, хотеть что-то нужное или ненужное... Отец зарабатывал на подработках больше чем шофёром, мама об этом каждый день твердила и даже радовалась. Но радовалась она немного. А летом, если отец был сво-

боден от работы, то сажали и собирали в два раза больше картошки и свёклы, и продавали потом вместе с мамиными банками огурцов и грибов.

Мама была занята постоянно и требовала этого от других. А папа он умел от неё сбежать и Лиду утащить в лес или на речку, в лыжный поход или на рыбалку. Он и игрушки ей покупал. Особенно когда возвращался шоферить.

Когда маму схоронили. Он какое-то время бродил в тоске, как и она, потом они как-то сразу взялись заботиться друг о друге. Он продал корову по её просьбе, сам разобрал мамины вещи, помог утеплить дом к зиме. И всё-время спрашивал: «Лид, чего нужно-то, скажи».

Это по-началу ставило её в тупик. Она понимала, что ему не хватает постоянных маминых понуканий. И ей не хватало. Они как-то вдруг обнаружили, что дел вроде как не так и много и жить не так уж и трудно, как было при маме.

Есть много времени, когда дела сделаны и можно просто сидеть и пить чай, читая или тихо переговариваясь. Это Лиду удивляло и пугало. Она боялась, что упускает что-то важное, не доделывает, и потом это «выйдет боком» по маминому выражению. Иногда такие потерянные дела всплывали: что-то не сделано для кур, не перебраны овощи, заросла поздняя грядка, скопилась стирка, но Лида, обнаружив такое дело, быстро с ним расправлялась, и хоть спина и руки к вечеру гудели, времени всё-равно оставалось много.

Через месяц стало понятно, что продать корову было ошибкой. Заботы конечно без неё поубавилось, но без молока и масла рацион оскудел, и они заскучали, а покупать привычки не было, да и не нравилось не своё.

Поговорили пару раз, и отец привёз козу Маньку, от которой ведут род и нынешние. Сама Манька верой и правдой прожила у неё три года, и хотя двух первых козлят Лида не уберегла, всё же тайно гордилась пред мамой тем, что с незнакомой скотиной сама разобралась и справилась. Когда уезжала, отдала её Бабке Ксении в Николаевку, а когда вернулась, почти сразу взяла у неё же двух козочек.

Отец после её отъезда тоже недолго задержался, уехал в город, женился, работал вахтёром. Когда Лида вернулась в Козловку, приехал всего один раз, помог крышу подлатать, поковырялся в инструментах, поворочался, постанывая ночью, и уехал. И уже как-будто не очень живой был.

Мачеха хорошая, деньгами помогает, говорит ласково: «Натерпелась ты, девочка». Никто её так не называет. «Как ты там, в своей деревне, девочка?» И не знает как-будто, что у деревни имя есть, а всё ж конечно, её она. И всегда приятно ответить «хорошо», и самой в этом утвердиться.

А главное приятно в конце назвать её, Веру Николаевну, мамой. Конечно, она только вторая мама, и совсем не как та, и при отце Лида никогда так не говорила, но ещё при его жизни попробовала как-то произнести мельком в телефон-

ном разговоре это слово, по которому мучительно скучала, и неловкости не почувствовала. А приятно каждый раз.

И Вере Николаевне тоже приятно, чувствуется. У неё один сын бездетный. И она радостно, хоть и аккуратно откликается всегда: «дочка, девочка». И Сашка с Данилой зовут её бабушкой, про другую бабушку Веру слушая мамины рассказы.

Да, вот и у них как должно – две бабушки, хоть и обе Веры, и обе с её стороны.

Бабушка Вера, та которая живая, каждый раз предлагает ей переехать в город. Чудная! Никак она не может понять, как Лида может жить без поисков мужа и без работы-службы.

Лида подправила рюкзак, подтянула лямку.

Может. Земля своя пропасть не даст. Когда козы раздоились, начала продавать дачникам молоко, а с ним потом и яйца. Даже хлеб, который Олег Иванович разрекламировал по соседям, стали у неё заказывать.

За хлеб Лида деньги брать стеснялась, не знала сколько, но с хлебом вместе продавала морковку и репу, малосольные огурцы, болотную клюкву и маленькие лепёшечки сыра, который научилась делать по книжке.

Зимой Лида возила шарфы на рынок, и огурцы, и грибы,

тёте Маше, что в фургончике хлебом торгует.

Сначала попробовала сама стоять. Неумело. Холодно, стесняется, зимой на рынке все свои – с деревень и из городка. Обязательно кто-нибудь узнает, пристанет с расспросами, за место – деньги, плюс автобус, да еды купить, да весь день протопать, а дом стынет, Сашка без неё боится, сидит у бабы Кати в соседней Николаевке, значит и ему, и ей – го-стинец... Вот и выходит один убыток.

Три раза съездив поняла, что больше не хочет. Подойдя купить плюшек, увидела ласковое лицо и ещё банку клюквы за стеклом фургончика. Решилась спросить: «Продаёте? А у меня не возьмёте продать?». Тётя Маша согласилась: «Только спрошу у начальства разрешения».

Начальством оказался зять тёти Маши, которому шарфы понравились и который даже заказал себе свитер на свой невероятный животище. Ох, они с Сашкой тогда насмеялись, когда Лида связала, и они залезали в этот свитер с ногами вдвоём, и играли в гномов и великана.

Тётя Маша ворчит немного каждый раз про кризис, люди мол жадные стали и покупают плохо, а кругом всё турецкое. Но её банки и шарфы покупали. «Колдуешь видать над ими». А сама, Лида слышала, если кто спросит, не ленилась говорить ласково: «берите, это очень хорошая женщина вяжет в деревне с козьей шерсти, от любой болезни защитит». Да, колдовала конечно. Особенно когда Данила родился.

Герман был дачником.

Сын тихих деда с бабушкой Павловых, давно (ещё крепкие были) купивших в левом краю Козловки старую избушку, отстроивших рядом баньку и летний домик.

Неразговорчивые, но вежливые, интеллигентные. Проходя, гуляя с собакой, всегда здороваются, улыбаются. Приезжают ранней весной на хорошем дорогом джипе, в сельпо один раз встретились, дед брал коньяк и красную рыбу.... А так – телогрейки весной и осенью, спортивные костюмы, халаты, шорты и кепки.

Лида смутно помнила Германа из детства. Павловы тогда ещё работали, приезжали ненадолго в отпуск и на выходные.

Герман жил по режиму, держался особняком, ездили на озеро купаться. К их пруду они только прогуливались все вместе и с собачкой....

Потом все надолго пропали, а потом вдруг стали приезжать весной, чинить и пристраивать и задерживаться до холодов.

Герман был физиком. Ну вот – опять был.

Да и пусть! Был он. Был и сплыл. Сама с собой как хочет, так и говорит.

Всё относительно. Относительно её – он был. А где-то, пусть, он есть.

Физика. Это был его подарок. То, за что она ему благо-

дарна. За что в сущности и любила.

Она тогда полоскала на пруду, а он пришёл с другом.

В шортах и шлёпках, обмахиваясь майками, они шли, не замечая мая, и спорили о чём-то лениво, но настойчиво. Увидели её поздно, растерянно и противно сказали: «Здрассте».

И тут вынырнул Сашка и кинулся играть с собакой. А мужики, оба бледные и красиво бородатые, попытались закончить спор. Не получилось, и тот второй обратился, чтобы выйти, к Сашке: «Да? Как Вы, молодой человек, относитесь к физике?».

Сашке беседовать не хотелось, но он вежливо притормозив на секунду, ответил: «это вы у мамы спросите».

Физикой они занимались накануне. Лида пыталась толковать Сашке решения задачек, переводя на русский язык учебник. Казалось, что учебники, особенно по русскому и физике, географии и химии написали какие-то враги, такой неприятный, даже противный язык формулировок.

Школьный учебник по физике вызывали в ней те же чувства, что и распятие: грустное, обидное раздражение. Она была уверена, что Иисус из Назарета был весёлым парнем и хотел, чтобы люди радовались, вспоминая его, вспоминали, что он вино из воды делал, лечил, пел..., а не труп его кланялись.

Это была её тайная уверенность, которую она ни с кем не обсуждала кроме мамы-Веры, которой было всё равно.

Тоже по ощущениям было и с Ньютоном. Она нутром чувствовала, что физики – народ весёлый и хотели, чтобы всем было понятнее жить, а не муторно-запутаннее как в учебнике.

Второй, не Герман, повернулся к ней и наиграно спросил: «Как мама относится к физике?». Посмотрел на её ноги и в воздухе повисла двусмысленность вопроса.

А она ответила: «хорошо». А он, запутавшись в двусмысленности, остановиться не смог и продолжил: «А то обращайтесь, если что, у нас с Германом Львовичем с физикой налажено», и затеял с Германом самцовую возню, скрывая неловкость и усиливая её.

А через неделю Сашка, только придя домой, тут же потребовал помочь решить три задачки «повышенной сложности» – хотел чего-то там заработать напоследок в школе. Одну она решила, а на второй увязла. И поскольку на завтра была суббота, на Сашкино «ну что ж ты, маам!», она дала ему банку грибов, пучок ранней зелени и тетрадку со своими выкладками и короткой деловой запиской-просьбой. «Вот. Иди к Павловым, скажи, мама просила передать и помочь». Сашка немного поартачился и пошёл.

А пришёл обратно неожиданно быстро довольный от лёгкости выполненного поручения. Его одарили какими-то хи-

мическими сладостями, удочкой и предложили заработать копанием какой-то ямы. Удовлетворили по всем статьям.

«А физика?» – «А! Этот, Герман сказал, посмотрит, и занесёт потом...».

Она немного разозлилась, потому что начала конечно убираться. Поставила пирог, хотя собиралась копать в огороде, сбегала на речку, переоделась. Физика.

Успокоилась, когда уже стемнело, поужинали и Сашка уснул под книжкой. Собралась ложиться, вышла на крыльцо и столкнулась с ним. Забыла, что городские живут не по солнцу, встают к полудню, ложатся ночью.

Он удивился, что Сашка спит, отказался от чая. Разложил на столе её тетрадку, сашкин учебник, свои листки А4, которые Лида почему-то очень любила. «Почерк у меня корявый, я Вам объясню... Я сначала по-своему решил, потом подумал, что надо исходя из того, что они проходили уже...».

Было что-то в этом от бывшего студенчества: ночь, уроки. Он сказал несколько незнакомых слов, Лида спросила, он радостно взялся чиркать новые листы, объясняя. Потом махнул «давайте» и на чай с пирогом.

Из двух задач они выжали всё, что можно было. Жаль Сашка в шестом только. Он несколько раз бросал на неё удивлённо-уважительные лестные взгляды. Потом наступила тишина. Поднялись провожать.

В дверях он её притянул, обнял. Борода, руки, дыхание... приятно. У Лиды полезли шальные мысли: «что ж я – деревенская девка, а на сеновале никогда не миловалась»... «И ему небось – экзотика». «Пацана не разбудить». В сенях прихватила только снятое с верёвки одеяло и мягко повела его.

В жар бросает каждый раз, когда вспоминает их сеновал. А ещё больше – покос. «Откуда у тебя сено? Спросил он на вторую ночь?» Смешные они, городские.

«Кошу, откуда ж ещё! Ты не видел что ли? Ах, да ты же спишь в это время... У речки кошу лужок. В этом году весна ранняя, ещё месяц и косить пойду». – «Научишь?».

Он уехал и приехал через месяц. И стал косить, быстро принововился, накосил много, она только ворочала, копнила, потом помог перетащить. К концу лета сеновал был под крышу. Но они уже перебрались домой. Сашка тактично молчал.

Герман приходил иногда после сенокоса и купания «на утреннее молоко», иногда приходил вечером, когда Сашка ещё не спал, пил чай и говорил про физику.

Он принёс Сашке книги, которые его не заинтересовали, а Лида забрала и прочла взахлёб, до головокружения... Карл Саган, Стивен Хоккинг, Эрвин Шрёдингер. Относительность, космос, дыры, параллельные вселенные. Секс был

как чай, лишь сопровождение ко всему этому.

Первое время он всё удивлялся, не мог поверить, что она, деревенская баба не только умеет читать и считать, но может формулировать интересные вопросы. А потом распелся. Уезжая в будние, он привозил в субботу статьи, рефераты, работу. Начинал ей это пересказывать, но она старалась задать вопрос, который бы увёл разговор в сферу только его интересов, туда где его любопытство было ещё неудовлетворенно, это была особая интимность. Квантовая физика.

Как-то он пришёл с вином. Лида пить вино не умела и не хотела, а он пил в одиночку, возбуждался и хоть голоса никогда не повышал, казалось почти кричал уже. Речь шла о Шрёдингере и буддийских монахах и ещё некоем Менском, который об этом где-то писал.

– Понимаешь? Нет, ты понимаешь?! Это уже доказано, проверено. Реальностей много, а то, что мы сейчас считаем реальностью – всего лишь узкий выбор нашего сознания. Вернее наше сознание и есть всего-лишь этот выбор. И если как буддисты и йоги его отключить, то можно перемещаться. Во времени и пространстве... Точнее время и пространство – это тоже категории привязанные к определённой реальности и сознанию. Перемещаться во Вселенной. Быть там, тогда, тем, кем хочешь. Можно ли? Менский говорит можно! И квантовая физика доказывает это просто, как нью-

тоновы законы. Ты понимаешь?!

– Стараюсь. И что можно научиться?

– Ха! Менский говорит всё про йогов, монахов, которые всю жизнь тренируются отключать ум и могут. Но нашему человеку это не подходит. Говорит: представьте пульт выбора реальностей...

– Как в фильме «Клик»?

– Типа того, но там только перемотка вперёд, а можно перемещаться... Самый интересный вопрос это: как выбрать? Если, допустим, мы можем выбирать, где и чем быть, то как узнать, что лучшее.

– Ну, я думаю, монахи пока учатся, ответ узнают.... Значит, когда такой пульт будет, то уж на этот вопрос смогут ответить.

– Дурра, – сказал он.

После своих долгих лекций и её ответного комментария он часто называл её дуррой, правда потом часто уходил на крыльцо под фонарь курить и писать. Когда она сказала ему, что беременна, он тоже сказал «дурра», но писать ничего не стал, а ушёл к родителям и уехал на следующий день.

А потом Лев Маркович, гуляя с собакой, ждал её на дороге и спросил, что у вас с Германом случилось, и она поняла, что уехал он надолго.

Но ждала, конечно, всё выглядывала в окно, ходила

за грибами оглядываясь, а возвращаясь фантазировала, что пропустила. Но это как-то по привычке. А Сашка сразу возмужал и стал деловитым и заботливым ещё больше.

Она его как-то скоро разлюбила. Он сразу стал «был». Никаких надежд в общем... Может от того было так трудно. А может от беременности.

Жизнь стала пустой, тошнотной, жить никак не хотелось. А мир вокруг был всё-тот же. Сашка, сад, козы, дом, лес, а она себя чувствовала какой-то фишкой, упавшей с поля, со стола и потерянной. А место её было, её ждали, спрашивали что-то. Она старалась и больно от этого было очень.

Спас Дед. Дед Ваня, «призрак Козловки», как звал его Сашка и многие.

Он тоже здесь родился как Лида, вроде как дети его куда-то увозили, но он вернулся, жил в кривой избе, крытой дранкой и гнилым рубероидом. Никогда никого ни о чём не просил. Никто к нему не приезжал. Ходил бодро с палкой в село и в город, за грибами, рыбачил. Был мелок, беззуб, слеповат, глуховат. Но если видел и слышал – здоровался, отвечал.

Помер в прошлом году тихо, и только через неделю соседи заметили, что дверь у него приоткрыта днём и ночью. Позвали Лиду, страшно, втроём зашли стуча и крича. А дед ле-

жит на лавке одетый, видно: прилёг человек, устав, и помер. На полу корзинка со сгнившими грибами, на столе – синички. Как вспомнишь, ощущение одно – святость. И зависть. Тоже так хочу.

А тогда... Весна была, март наверное. Сил нет совсем с зимы, вялость. Звери, и те все лежат, как только солнышко пригреет. И она тоже. Весна, а радости нет совсем.

Поплелась как-то на пруд. Села на лавочку, и плакать хочется, и то не идёт. Дед Ваня подошёл тихо, умылся, глянул. «Здравствуйте» – «Здравствуйте».

Вдруг продолжил:

– Ты чего, Лид, такая чёрная?

Надо же, оказывается он её имя помнит, и видит ещё чего-то. Но удивляться тоже не получалось. Ничего не получалось. Ком сидел в горле.

– Не выходит у меня что-то... с жизнью...

Дед Ваня понял, покачал головой в кепке, заговорил скрипуче, без интонации.

– Выходит, не выходит, чего тосковать... Это ж как в сортире: не вышло, и ладно, подними руку повыше, опусти резко и скажи «да и...». Выйдет потом.

Лиде стало смешно. Заметил ли он что она беременная? Это ли имел ввиду?

– Чего ржёшь? В жизни также. Хотя иногда надо упереться и тужиться.

Нет похоже он про своё, про туалет, про жизнь. Хотя смешно получилось.

— А как узнать: когда надо тужиться, а когда махать?

— Ну это, Лид, умение разумение надо. Вот твой пацан на велике умеет ездить? Долго учился? А объяснить сможет как ездит? А падает иногда? Ну и тут также. Ты ему скажи, чтобы зашёл. Я ему свой велик отдам. Он хороший, смазанный, хоть и старинный. А мне уж на него не залезть.

И ушёл, как-будто только про велик и разговору. А у Лиды прошло. Она вдруг поняла. Всё хорошо. Дед вот знает как жить, и Сашка тоже. Значит и она, наверное.

Ну что сегодня, вечер воспоминаний? К ручью уже подходит. Что не успела вспомнить? Как Данила родился? В другой раз, да недавно это было. Счастье это недалёкое, не сданное в архив. Сейчас увидит его.

Она перестала думать. Надоело.

И вдруг отчётливо почувствовала, а потом и увидела пульт в руке. Небольшой блестящий и странно-круглый. По кругу маленькие кнопки с цифрами и ещё две такие же посередине со стрелочками по и против часовой. А под ними овальная кнопка, больше всех остальных, выделяющаяся ярко-белым цветом, на ней какие-то значки, нет буквы, но не русские, вдруг проявившиеся понятным — «the best».

Где-то она это видела...

Пронеслось что-то в голове про «Горячий камень», разные фантастические рассказы про страхи невозврата и выбора. Про кота Шрёдингера... «А вдруг нажму и окажусь мёртвой...».

Лида шла теперь очень медленно, а пульт никуда не делся, лежал в руке, невесомый, но ощутимый.

Она перешла ручей, поднималась на пригорок, уже увидела свою крышу и край окна...

И вдруг почувствовала (прямо волной накрыло), что если не сейчас, то уже никогда. И, глядя в глаза бегущему к ней Даниле, нажала на «The Best».

Раздалось что-то вроде звука пронизывающего мозг, посерело в глазах, и она упала на колени.

От касания коленями травы очнулась.

Подбежавший Данила елозил руками по мокрой от пота спине под рюкзаком. Осень. Она была здесь же. Слезы текли по щекам, но улыбка не сползала. Обняла Данилу.

– Голова закружилась, – сказала подошедшему Саше.

Сашка стал грубоват:

– Не беременная? А это чего у тебя?

Она скинула рюкзак, сунула пульт поглубже, достала конфеты. Села на траву. «А какое оно счастье...» «А ведь я зна-

ла!...»

Через три года, когда Сашка уезжал учиться, укладывал деловито большую суму, Лида поставила коробку и стала упаковывать ему баночки солений, варений.

Он уже почуял студенческую голодуху и не возражал.

И тут она принесла пульт, всё это время лежавший в ящичке её фанерного сундука «любимца публики».

– Что это мам?

– Вот. Не балуйся только. Помнишь, мы говорили с тобой про выбор реальностей и пульт... Так вот он. Захочешь домой – нажми.

Сашка выпучил глаза. Осторожно взял, покрутил в руках. Посмотрел опять на неё с большим вопросом.

– Шутишь?

Она улыбнулась. Пусть верит, и что пошутила, что мать – ведьма...

– Попробуешь... Домой захочешь – вот эта...

– Хм. А почему ты уверена, что «the best» – это сюда?

– Я не говорила «сюда», я сказала «домой». Лучшее – это и есть дом.

Милое, 2010—2011

Имена

Он был из племени Тех, Которым Нужны Глаза Чтобы Видеть Своё Тело. А Она была из племени Тех, Кому Нужны Уши Чтобы Слышать Своё Имя. Между ними были плохо проходимые леса на много дней пути, вражда старших, разные языки и манеры. Проявив ко всему этому почтительное любопытство, они стали любовниками.

Вождь его племени пожал плечами, Вождь её племени сказал «Пусть».

Пока они учили язык друг друга, находя общий, Она дёргала, толкала Его, тыкала острыми пальцами и щипала, а потом нежно тёрла языком его кожу, мяла губами, прижималась бёдрами и грудью. Так Он выучил каждое место своего тела. А Он звал её повсюду, всегда, постоянно. Он не мог жить без неё и звал, и звал, задыхаясь во сне и наяву, криком и молча. И Она научилась слышать этот зов. Её кожа, её печень, всё откликалось, она вздрагивала, вдыхала, и ноги не ждали, пока кровь принесёт им зов, они слышали сами и уже бежали туда, где он успел лишь начать думать о Ней.

Вожди были не против, потому как знали оба: они породят новое племя. Их родители и братья были против, но узнав от вождей закон, смирились. А они двое не хотели знать. Они трогали, звали, чувствовали, слушали, изливали нежность потоками и вновь алкали её.

И вот Её живот стал круглиться, груди набухать как реки в сезон, и Он стал кричать, трубить, как олень или слон, о победе над смертностью крови, о начале рода и конце юности. И вожди тихо кивнули в дальних хижинах. Мир крутился, неся их.

Их первый ребёнок умер, улыбнувшись только один раз. Они не могли перенести этого.

Вождь племени Тех, Кому Нужны Глаза... сказал: «Что ж, новый род начинается трудно...». Вождь племени Тех, Кому нужны Уши... сказал: «Жаль...».

Но жена перебила его (что случалось раньше только в самые засушливые годы).

– Им нужны имена, – сказала она. – Чтобы начать род, им нужны имена.

– У них есть имена. – Недовольно сказал Вождь. – Её зовут Утренняя Роса, а его, кажется, Сила Тигра или что-то вроде того.

– Это не то, – сказала Старуха. – Это имена прошлого, у будущего должны быть другие имена. Это должны быть лишь звуки, которым они сами придадут смысл, звуки, как крики птиц...

В горе они сидели у водопада, в который отпустили ребёнка. У них не было ничего кроме грусти, не было средства уйти от неё. Старуха с трудом нашла их беззвучных, бесцвет-

ных, обессиленных.

Она объяснила Ему и Ей, как искать имена. «Лишь звуки, которым вы подарите суть, которые будут значить только одного из вас и больше ничего и нигде. Она не дала им ни утешения, ни надежды, Лишь заронила мысль, поиск, любопытство, которое не могло умереть, раздражало, щекотало, зудело. Нехотя, но они начали искать.

Сначала в тайне друг от друга. Потом вместе. Не найдя там где были, они пошли, побежали. Бродили. Поиск бродил с ними, перебродив, стал раздражением, злостью, усталостью..., но снова и снова просыпался с ними. Они стали пробовать разные звуки, их сочетания, для этого жить.

Лак и Лав. Звонкие, гладкие, ловкие и... ласковые. Они выбрали их. И выбрали новое большое место для очага и фантазий.

Через 10 лет у них было 6 детей, через 30 – 23 внука и ещё дети.

На мягком склоне холма, внизу у реки и за рекой росло поселение. Дети уходили и возвращались, болели и злились, учились и учили, радовали и удивляли. Приходили их жёны и мужья. Приходили и уходили Счастье и Горе, засухи и наводнения, любопытные, злые, интересные соседи, открытия и вопросы.

Лав собирала счастливые моменты в песни и сказки воспоминаний. Лак помнил и копил опыт жизни. Они стали

больше разговаривать и больше молчать. Кругом бурлила их кровь. Пытливо билась в головах, играла в любовных порывах, плескалась из разбитых детских коленок.

– Я устал. – Сказал ей Лак.

– Знаю, – сказала Она. – Иди, я потру тебе спину.

Он послушно сел рядом.

– Ты понимаешь, о чём я?

– Думаю, да.

– Они приходят за советом и всё делают по-своему. Они многое знают лучше нас...

– а то, что не знают, должны узнавать сами...

– Я чувствую себя старым кострищем.

– Хочешь, я разожгу былые угли? – Одна её рука легла на его шею, а другая шершаво и тепло пошла к животу. Он перехватил эту руку, остановил, стал тереть, словно пытаюсь соскрести морщины, мозоли, вздутость вен.

– А ты? Ты как?

– Я тоже... Они несут мне свои новости, переживания, жалобы друг на друга, восторги и фантазии. А потом вдруг уходят и забывают надолго. Я как дерево, которое всегда должно быть на месте и кивать, слушая их.

Они помолчали, прислушиваясь к тому, как тоска превращается медленно в нежность. Потом Он обнял Её.

Старческая нежность не рождает детей, только тишину и покой.

– Доброе утро.

– Вчера ты уснула, а я думал: может нам умереть пора?

– Сдаешься?..

– Пап...!!? – Дан вернулся с ночной рыбалки.

Она не сдерживала улыбку:

– Вот тебе и ответ. Это я уже не могу гладить его перед сном. А ты ещё очень нужен ему.

Она посмотрела, как пряча радость за степенностью, Лак взялся за ремонт снасти с сыном, и поняла, что кокетничает. Пропадающий сутками их младший всё ещё был ребёнком, нуждающимся в её вареве, ласке, строгости, поддержке.

А её дочери? Они смотрят на неё со страхом и любопытством. Как когда-то, готовясь заводить детей, поглядывали исподволь на то, как она, справляется? Придёт время и им быть старухами. Если она не решит эту задачу: как? Им будет ещё страшнее. Они рожали детей, потому что смогла она (не громко ли сказано? ну, пусть – отчасти...), переносили их болезни и смерти, свои страхи и недомогания, трудности и просто капризы мужей, с надеждой оглядываясь на её «стойкость». И ещё они ценили радости, распределяли счастье как урожаи, пели и плодили нежность, как делала она и лучше. «Если я уйду, лучше кого им быть?.. Попробую ещё, что я теряю...»

«Да, а что, кстати, попробую?» – снова начала думать она, уже помешивая рис. И Лав сказала своей старой деревянной

ложке:

– Попробую быть счастливой.

Ложка не ответила, Но Лак, оказавшийся рядом, ответил:

– Давай, я тоже ещё...

– Ну, вот теперь, пожалуй, пора, – сказала Ла...

Последние звуки их имён пропали во времени, они оба теперь звались Ла. Ей нравилось.

Пропала вся жёсткость, напряжение, осталось открытое и простое, напеваемое прыгающей вокруг ребятнёй. Ему было всё равно. Он много болел и был сосредоточен на том, чтобы меньше забывать и понимать, как меняется мир, сохраняя вовлечённость в него. Уставая от этого, он просто плёл сети или уходил в какие-нибудь раздумья, разглядывание рисунков механизмов для мельницы и оттуда в тихий стариковский сон.

– Теперь, пожалуй, пора, – сказала она, продолжая разговор, словно не было 20-ти лет прошедших за предпоследней фразой.

Ла открыл глаза и посмотрел внимательно на неё, поблекшую от времени жизни и его близорукости. Она поняла его вопрос:

– Теперь я устала по-настоящему. Их уже слишком много, а меня... слишком мало.

Он кивнул.

Она взяла для прощания лёгкий тёплый день с не очень ярким солнцем, потому что не хотела лежать под навесом. Несколько её правнучек играли рядом. Одна зачем-то плакала и плела ей венок за венком. Её старые дочери сидели рядом, слегка покачиваясь, грустные, но готовые. Похоже, они её понимали.

Мужчины, старики, мальчишки... приходили и приходили, пристально смотрели на неё, вспоминая и запоминая, и садились полукругами, спускающимися с пригорка. Ей нравилось, что они говорят о своих делах, что она только повод собраться. Она ведь вообще повод им быть вместе.

Прибежала Вея, её любимица, («хорошо, что была чем-то занята»), схватила руку, горячая слишком живая, требовательная:

– Ла, ну не надо, ну почему?! Ты нужна нам!

Этой надо говорить, хоть и трудно:

– Потому что всё, на что я гожусь теперь – думать и молиться за вас, а я не могу помнить имена и лица. Теперь отпустите меня.

Вея послушно выпустила её руку, и села плакать в стороне.

Наконец он приплёлся на трёх своих ногах одинаково одеревенелых, сучковатых и кривых.

– Чему ты улыбаешься, Ла? Видишь ангелов?

– Нет пока, просто твоя палка и ноги... они очень похожи. Старый ты, пень.

Он мог бы отшутиться как раньше или поворчать.

– Я не задержусь надолго, – он сел рядом, почти прижавшись боком. – Только посмотрю, чтобы они всё сделали правильно.

«Костёр и водопад» – сказала она не вслух. Он кивнул.

Костёр и водопад. Костёр и водопад.

Милое, окт 2010

ПОВЕСТИ

Наизнанку

Спасибо Всем, особенно Кольке.

Часть 1. КОЛЬКА

Главы 1, 2

Мне лень. Простите. Не буду писать я эти первые главы. Может быть, если найдётся у кого-нибудь желание и трудолюбие, он напишет (буду благодарна) что-нибудь на своё усмотрение... Про укус какого-нибудь диковинного паука или редкой змеи. Или про эксперименты с новым лекарством или с электромагнитными, или т. п. полями... Или про вредную работу мамы моего «героя» во время беременности с компьютерами или ультразвуками... Или – сочетание дневных и ночных светил... Или...

Если же такового желающего не найдется, то придётся читателям самим придумать первые две главы этой истории.

Да, и не пытайтесь найти в следующих хронологию. Как рассказывал – так и писала.

Глава 3. УТРО

Колька просыпался между шестью и семью. Вернее, это мама его так будила. Теперь-то у него была отдельная комната. Он очень любил её (комнату (хотя и маму, конечно), и особенно приятно было в ней просыпаться.

Мама заходила и сразу открывала окно (и осенью, и зимой). Удержаться от этого ей было трудно, потому что большое окно без занавески выходило на чудный простор над маленькой речкой, большим парком и городом за ним. Утром было небо и туманы, а боковая стена дома защищала от ветра, поэтому окно было приятно распахнуть даже в дождь. Комната выдыхала тяжёлый ночной воздух и радостно вдыхала утро. Мама радовалась и начинала гнуть и тянуть своё большое красивое тело. И все это увлекало её, и мыслей почти не было, а если и были, то маленькие и плавно падающие, как небольшие осенние листочки. И чувства мамы были сосредоточены близко вокруг её просыпающегося тела или уходили в воздух утра и простор за окном. Часто теперь, даже не поворачиваясь к нему, она тихо говорила:

– Колька, вставай!

О, это было блаженство проснуться от слов. Которые были точны и коротки, как бросок весёлого мячика в руки. Он был так благодарен маме, когда просыпался, и за комнату и особенно за это пробуждение такое чудесное в своей точности и простоте. Иногда мама смотрела на него, и тогда, конечно же, были чувства. Обычно они были удивлённо-неж-

ные, и хотя ему нравилось больше без них, эти «были ниче-го» мягкие, без впутанных мыслей.

Как было тяжело в прошлом году, когда мама будила их с братом в общей комнате.

Она тогда только вдруг узнала, что будить можно мыслями. И узнала не от него, не от Кольки, а от одного из тех, кого называют Учителями. Мама сама всё знает, но очень любит открывать всё по-новому с чьей-то помощью, кажется, она просто очень любит удивляться. И вот с первого сентября она, как только проснётся и придёт к ним, и начинает: нежно-голубое и вдруг с оранжевым – «Мальчики, мои, милые, хорошие.... Ну-ка вставайте!» Открывал он глаза или нет, кажется всё равно ему их резало. Эти всполохи! Подходящее слово... Красивые все цвета. Только переходы резкие. Мамина нежность розово-голубая или желтоватая как рахат-лукум, только она не удерживается в ней, влезают какие-то мысли, то радость яркая, то беспокойства какие-то, то вообще не пойми что – наверное, про работу.

Утром спросонья это всё трудно воспринимать.

Хотя мама своего добивается. Спать уже невозможно и лучше сбежать быстро, занять ванную и посидеть немного, уставившись на струю воды и возвращаясь из сна.

Колька после сна – как бензиновое пятно в луже. Красивое, но как-то странно одновременно разноцветное и бледное, и запутанное. Но струя воды бьёт по ногам, приятно греет от ног и рук к спине и голове. И всё остальное собирается

и кое-как приходит в порядок вокруг хорошего, но нескладного пока подросткового тела.

И потом мама выманивает его завтраком и убегающим временем на кухню. Теперь он – это уже он – полупрозрачное облако, начинающееся где-то вдали и сгущающееся вокруг того, что видят все остальные.

Почему все остальные, устроенные совершенно также как он, отказываются при этом, как он, видеть и уверяют, что не видят? До сих пор для него загадка. Она слишком часто занимает его мысли, чтобы начинать опять о ней думать с самого утра.

Лучше позавтракать.

Глава 4. СЕМЬЯ

К своим тринадцати Колька почти привык к факту «я не как все». Только вот не сказать, что смирился с этим самым фактом. Представьте, что видите – у всех есть нормальные глаза, но все отказывается видеть, считая это невозможным. Смогли бы смириться?

Вот мама. Колька любил её. Она была честная, и ей нравилось, что он видит, она правда упорно называла это «чувствует». Колька совсем недавно и то не совсем точно понял разницу. Колька одинаково хорошо видел людей (зверей, вещи) и их тела внутри. Но все остальные предпочитали говорить «видеть» только про внутренний физический мир того, что можно пощупать, а про остальное говорили «чув-

ствовать» и подвергать разной степени сомнения. Мама говорила: «видишь — я работаю». А когда он спрашивал: «мам, ты чего грустишь?», она прижимала его со словами: «как ты всегда чувствуешь». И он всегда честно отвечал: «вижу». И она изображала на лице улыбку, которая как будто могла отвлечь его от тёмно-синего, переходящего в мутновато-фиолетовое облака вокруг.

Ну и ладно, всё равно с ней было хорошо. Во-первых, в ней было немного мешанины, во-вторых, он любил её «основные» цвета, мало у кого (после ухода бабушки) видел столько нежности. Ни у кого злость не была столь молниеносна, порывиста и недолговечна. А к её тёмным пятнам он так привык с детства, что практически не замечал их.

С отцом было куда сложнее. Он тоже был родным и красивым (для Кольки, по крайней мере). Но он именно был сложным. Когда Колька приближался, он усложнялся ещё больше. Только вроде сын готов воспринять его нежность, как он словно шваброй отгоняет её чем-то слежало-чёрным на задворки (так что не дотянуться) и мешает зелёную задумчивую заботу чем-то серо-коричневым. Полученную странную массу, как Колька потом не без труда понял, называют ответственность. Отец был переполнен этой ответственностью со всех сторон, она мешалась с его мыслями и чувствами и лишь иногда через неё вдруг прорывались самые неожиданные и непредсказуемые желания (в основном касающиеся приобретения чего-то). Было видно, что она гнетёт и да-

вит отца, и он часто прибегал к помощи телевизора, чтобы отогнать её.

На мамины претензии к его бесконечным вечерним просмотрам всего-подряд, он неизменно говорил, что «ему нужна информация». Но Колька видел, как он тянет от экрана это самое «всё-подряд» похожее на бесконечный конвейер тюков утиля, и просто-таки прорубает в себе некую зону свободную от мутно-тяжёлой ответственности.

Потом позже был период, когда отца он вообще с трудом мог воспринимать, как нечто живое. Он как будто варился в старом обуглившемся чугунном котле. Вокруг которого витала яркая горячая сила, но почти непонятно было, как она подходит к его телу. Кольке нравилось быть рядом, купаться, греться, видеть, чувствовать эту силу, хотя даже смешиваясь с ним, она в него не проникала. Но он никак не мог понять, как эта сила и тепло соотносятся с Человеком внутри.

Почти всегда, когда папа был дома, Колька старался прикинуться к его внешней сильной части. Но отец сразу или спустя 10—15 минут замечал его. И тогда от «обугленного» почти непрозрачного котла через редкие щели к Кольке бросались всполохи чёрно-сиреневого странного интереса, смешанного с раздражением и непонятной требовательностью. Колька шарахался, огрызаясь.

Папа пугал, удивлял его и притягивал интересом. Это и было для него самым странным: что в ответ у Кольки появлялись всполохи того же цвета, они сливались с отцовскими,

а потом на их месте оставались плотности обугленных корок.

У отца с матерью не было почти ничего общего. Когда они были физически рядом, то обычно отшатывались друг от друга, а если не успевали – ругались и мучились. Он-то знал, что они соединяются где-то на дальних рубежах. Знали ли они? Видимо да, а то что делали рядом столько лет. Было ли когда по-другому? Хотел бы он знать, но как это спросить, спрашивается?

А вот дед с бабушкой жили, крепко цепляясь друг за друга своими «шрамами».

Для Кольки они были единым существом. И одной из его любимых игр было пробовать найти у этого существа места соединения.

Дед был прикольно ярким и разноцветным. Его основной оттенок был довольно редким, настолько редким, что Колька с трудом мог знать его название. Эдакий медно-бронзово-зеленоватый с прожилками тёмно-синего. После того как уже наверное тысячу раз Колька услышал привычное бабушкино «дед у нас у-у-умный», его осенило: это ум! Наверняка – ум. Это не мысли, это редкое среди окружавших его (хотя и у отца, конечно, было) чувство, состояние, присутствие ума в человеке. Наверное – Мудрость!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.